

Сегодня в Сургуте состоится общегородской творческий семинар молодых авторов. В течение полутора месяцев в редакцию газеты, в правление клуба «Северный огонек» поступил не один десяток рукописей, писем от людей самых разных возрастов и профессий, но объединенных одним: любовью к литературе, стремлением самому прикоснуться к

тайнам творчества. Анализу большинства рукописей, учебе и будет посвящен общегородской семинар, который проводит клуб «Северный огонек» совместно с городским комитетом ВЛКСМ. В очередном выпуске нашей литературной страницы мы представляем творчество некоторых участников семинара.

Н. ШАКУРА

ЗОВ ВЫСОТЫ

Земля без неба — сирота.
Пусть твердь мы чувствуем ногами,
Владея нашими сердцами
Нас в небо манит высота
Земля без неба — не для нас.
Не напугает смерть Икара.
Была бы только крыльев пара —
Мы к небу тянемся
Земля для каждого, как мать.
И сколько лет бы путь ни длился,
Мы все равно к ней возвратимся,
Чтоб завтра улететь опять.

ЗИМНЯЯ РАПСОДИЯ

Метелица в диком набеге,
Как полчища злых янычар,
Свистят ятаганами снега,
Неяство рубит с плеча.
Летит сумасшедшим галопом,
Аж стынет в артериях кровь,
Но вдруг налетает на колья
Уральских кондовых лесов.
И, с воем срывая доспехи,
Бежит без оглядки назад.
И внемля далекому эху,
Застыли на страже леса.

О. ПЕЧИКОВА

Так жила, то с песней,
то печалась.
Иногда — в скользящем полусне.
Только оглянуться не решалась
На далекий свет в твоём окне.
От волненья, то ли от стыда,
Навсегда от прошлого спешила,
А сама (горда и молода),
Все сама за нас с тобой решила.
Лес тонул в цветах и песнях птичьих,
В листьях ветер

ФЕВРАЛЬ — 1983

радостно играл...
Исподволь, в морщинках
Жизни след все глубже
залегал.

Н. ИВАНОВА

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Седая мать у Вечного
огня
Склонилась в темном
одеянье.
Ушла на фронт когда-то
сыновья,
Пообещав вернуться
на прощанье.
С войны не всем
вернуться суждено...
Набатный гул погибших
не разбудит...
И пусть война
закончилась давно,
Но мать ее вовеки
не забудет.
У Вечного огня
в печальном платье
Она все будет
скорбная стоять
И молча в памяти
перебирать их,
И молча будет
войны проклинать.

Т. КОТОВА

Четыре годочка
В копилке у дочки,
Четыре янтарных
Живых узелочка,
Четыре цветочка
В плетеной корзинке,

Четыре веселых
Беспечных слезинки,
Четыре смешинки,
Четыре шажка,
На чистой бумаге
Четыре штришка.
На дереве жизни
Четыре листочка,
А рядом — зеленым
Крепкие почки.

Ф. КУЛАКОВ

РАССТАВАНИЕ

Не ели, а зубы метели —
Разверзла пасть погодка!
Ты говоришь: «Погоди, а!»
Не улети, милый!..»
Ветер с дьявольской силой
Снегом в лицо швыряет.
Из репродуктора
хрипло:
— Аэродром не принимает...
Прижалась к плечу щекою.
«Слышишь, любимый, останься!»
А снеговые бабы
Мечутся в вихре танца,
Бьют по лицу подолами
Бесстыжие.
В глаза заглянул твой рыжие,
Плечи руками стиснул...
Вихрь налетел, свистнул,
Захохотал губастый.
... Пьяно метель бесновалась.
Рядом прощальное счастье.

СНЕГ СУРГУТА

Этот снег, этот белый февральский снег,
Этот белый-пребелый снег,
Этот красный от праздника белый снег,
Этот синий от неба снег,
Этот белый от зависти белый снег,
Это черный от нефти снег...
Вроде было всего-то: простор да снег,
А взяла нас Сибирь навек.

ФЕВРАЛЬ

Низко стелется алая поземка,
Вьются белые змейки у ног,
И гудят неестественно громко по ночам провода у дорог.
Утром в хрупком пространстве мороза
Мы ступаем на снежный покров,
На ресницы намерзшие слезы
Вспыхнут где-то у самых врачей.
И бугром затвердевшая тропка,
И сухая, как шорох, лыжня
Поведут неторопко и робко
В перепутья блестящего дня.
И осыплется иней кудлатый,
И застывший на холоде лес —
Словно скопище гипсовых статуй
На фарфоровом фоне небес.
Но прислушайся: где-то под снегом,
Словно рифма к какой-то из строк,
Одолов свою зимнюю вежу,
Просыпается первый цветок.

ЗНОЙ

Полдень. Вдоль дороги — плоский дым,
Словно тонкой кистью прочертили.
В промежутке леса — купол пыли,
Стадо волочит перед ним,
Ящерка застыла на камнях,
Зацепившись пальцами за грани,
И трава свивается и вянет,
Отражаясь в выпуклых глазах.
Время словно спряталось в стволы
Сосен, что стоят у поворота,
И с необъяснимой неохотой
Вытекает каплями смолы.
То природа бредит желтизной,
И в чертах дрожащих и неполных,
Как гигантский зреющий

подсолнух,
Наклонилось небо надо мной,

ЗАКАТ

Солнце смеялось и село,
Неожиданно. Кстати,
Без желаний и дела
Я терялся в закате.
Мне, наверно, казались
Молчаливей и резче
В догорающей дали
Безымянные вещи.
И на краешке свода,
Слепо выставив руки,
Я искал у захода
Час, где спрятаны звуки,

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Ты сегодня устал от работы
Кропотливое время труда
Из тебя словно вынуло что-то,
Утекло, как живая вода.
Словно чья-то незримая сила,
Завершая таинственный круг,
Берега твоих плеч подточила,
Исказила извилины рук.
А ведь сделано, в общем, немногого
Как обычно, в начале начал
На кого-то начальник кричал,
Вспоминая и мать, и бога,
До обеда «яскали струю»,
Так слепые, тяжелые лодки,
В непогоду и дерзки, и кротки,
Пробивают дорогу свою.
Пролетел торопливый обед,
Оставляя балласт на желудке,
Шутников заобедные шутики
Безобидно скользнули на вет,
И, когда показалось уже —
В основном получалось начало,
По воротам дождем застучало,
И — «Шабаш!» — по ушам и душе.
Вот и вечер. Дождя уже нет,
Облака в стороне от заката
Как подкрашенная стекловата,
Что свалили сегодня в кювет.
Месяц светит лицом на рассвет.
Вот и все. Последзавтра зарплата.

Пусть грусть и печаль об меня разобьются,
Как на пол упавшее чайное блюдце.
Мне друг говорил, астроном и мечтатель
— Галактика наша похожа на блюдце.
Мы взяли вина, а в моем бедном доме
Одна лишь посуда — чайное блюдце,

Сергей Сметанин

Сергей Сметанин. Сегодня он представлен читателю широко и подробно. Это первая крупная публикация автора на страницах нашей газеты. В последние годы в творчестве С. Сметанина намечился интересный поворот. Началось все с песни. Одну из них Сергей сочинил в соавторстве со своей дочерью Юлей. Песни были просты и проникновенны, в них были философская законченность и глубина. Теперь — новые стихи. Я знаю Сережу несколько лет. В первые годы знакомства меня несколько настораживало его тяготение к формотворчеству. При чтении этих стихов возникало ощущение, что «чувство спало». И вдруг — столь разительная перемена. Появилась отточенность, я бы сказал, утонченность формы и соответствующее ей содержание.

Предлагаем вниманию читателей новые стихи Сергея Сметанина.

И. КИРИЛЛОВ

Подарка прекраснее нет для любимой,
Чем свежая чайная роза на блюде.
От слез человеческих море солено,
А слезы от счастья уместятся в блюде.
— Не правда ли, дружище, как небу с землей,
Так горю и радости не разминуться?
Я пил, как Хафиз, становясь все трезвее,
Но, встав, рукавом зацепил свое блюдце.

БЕЛАЯ ВОРОНА ЮМОРЕСКА

Жил-был токарь Кузякин. И был тот Кузякин мастер коть куда. Хоть куда, коть сюда. Закончил, к примеру, болты нарезать — посылают его яму копать, управился с гайкой — иди, говорят, на перекур.
— Да не курю я, братцы! — взмолился, бывало, Кузякин.
— Нет, паря, иди сей минут, — отвечают. — Все одно у тебя запланированный простой.
Надоела Кузякину такая жизнь. «Как бы мне, — думает, — сделать так, чтоб и болты нарезились без простоев, и яму не ко-

пать?»
Сказано — сделано. Засел Кузякин за книжку да чертежи, обложился справочниками. Кумекает. День проходит, другой (выходные у него), а Кузякин все сидит. Кушать, поверишь ли, забыл!
На третий день приходит в цех. Приходит он в цех — и к станку. И начинает разговаривать с ним, вот как я с тобой. «Тут, — говорит, — тебе схему на полупроводниках впаяю, тут блок управления поставлю...»
Да-а! Народ собирается стал. «Уж не рехнулся ли

парень после стольких запланированных простоев?» — думают.
Ан, нет. Закончил Кузякин работу. Веселый такой! Поздоровался со всеми и тут же «чао» сказал. Смена кончилась.
Наутро смотрят люди что за диво?! Кузякина нет, а станок шурует — аж небу жарко. Болты из него выскакивают — в глазах мельтеши! Что за притча такая.
Шум, гам. Пошли к начальнику. Так, мол, и так. Кузякина нет, а станок десять норм выдает играючи.
Начальник тут же распорядился Кузякина доставить к нему, а станку

устроить запланированный простой. Чтоб не разгонялся болт. А то, чего доброго, план увеличат.
Приходят ходоки к Кузякину, а он сидит на кушетке, чай пьет. Те даже оторопели малость.
— Что ж ты, Кузякин, на работу-то не идешь? Живой-здоровый, и на тебе, прогнул. Нехорошо.
— Погодите ругаться, — отвечает им Кузякин. — Видите вот эту штуку? Через нее я своим станком команду. Скажу ему пару слов, и он уже сам соображает, что и как. Дистанционное управление называется.
— Да ну! — пуще прежнего дивится народ. — Ну, голова!!! Ай да, мо-

лодец! И мы так хотим! И теми словами назад, к начальнику. Тот, конечно, Кузякина к себе на «ковер».
— Кузякин! Ты мне де-зорганизуешь производство! Болты-то нарезать все норовят теперь только твоим способом.
— А вы внедряйте, — упорствует Кузякин. — Высвободятся рабочие руки для других дел. Внедряйте.
— Слушай, Федя, — говорит уже ласково начальник (а Кузякина Федей звали). — Слушай, — говорит, — Федя, хочу я внедрить в твою умную башку одну мысль. Ты что, хочешь подвести весь цех под коренную реконструкцию? Ты что, спя-

тил? Ведь план подымут! Рублем прижмут!..
Ничего не бойся Кузякин. Внедряйте, твердит, и баста!
И ведь добился-таки своего! Назначили комиссию по изучению, обобщению и распространению опыта Кузякина. Составила комиссия мероприятия, заседания проводит. В прошлой пятиминутке десять заседаний провела, в этой уже четыре. А иначе как же? Дело-то важное!
А Кузякин слабак оказался. Плюнул на все, переделал станок свой и по-старому работает. Да и в самом деле, зачем ему быть белой вороной?
А. ГАЛЬЧЕНКО, инженер.